

УДК 338

Пандемия COVID-19 как источник новых вызовов и катализатор трендов российской экономики

Шлычков В.В.

Доктор экономических наук, профессор, главный редактор федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии» (Казань)

В работе показаны наиболее значимые тренды развития российской экономики в «докоронакризисный» период и выявлена степень воздействия на них «противоковидных» запретов и ограничений, обозначены спровоцированные пандемией COVID-19 вновь возникшие риски и вызовы. Автор анализирует усилившиеся тенденции и явления социально-экономической сферы, такие как ускорение процесса цифровизации экономики и управления, повсеместное внедрение дистанционных форм работы и т.д., определяет их роль в «постпандемийном» развитии национального хозяйства России.

Ключевые слова: пандемия, экономический кризис, экономическая турбулентность, риски, цифровизация экономики и управления, дистанционные формы работы, регенерация экономической системы.

Неожиданно проявившаяся в конце 2019 г. и мгновенно охватившая большинство государств эпидемия коронавируса спровоцировала глобальный и самый масштабный экономический кризис за всю историю человечества и крайне негативно отразилась на протекающих в мире социально-экономических процессах. Из-за введенных в рамках противодействия пандемии ограничительных мер и запретов общемировое производство в 2020 г. сократилось на беспрецедентные 4,3 % [1], а установленные национальные локдауны (от англ. *lockdown*) инспирировали крах потребительского рынка и привели к коренной трансформации сознания значительной части населения. Порожденный коронавирусной инфекцией глубокий эмоциональный шок заставил население и власти пересмотреть приоритеты развития и кардинально изменить оценку стоящих перед социумом в условиях ЧС рисков и вызовов, выдвинув на первый план задачу снижения заболеваемости и сбережения человеческих жизней. И если в «доковидный» период основные жизненные риски считались управляемыми, то «коронакризис» отчетливо показал, что, несмотря на относительно высокий уровень духовного и технического развития человечества, мировое сообщество пока оказалось ни технологически, ни психологически не го-

тово адекватно и эффективно противостоять угрозе подобного масштаба, а реализованные меры борьбы с COVID-19 нанесли социально-экономической сфере гораздо больший ущерб, чем потенциальный прямой урон от заболеваемости и смертности заразившегося коронавирусом населения, который для России оценивается различными экспертами на уровне от 0,2 до 0,9 % ВВП [2].

Внезапно пришедшая из-за рубежа эпидемия COVID-19 стала для экономики России своеобразным стресс-тестом, результаты которого продемонстрировали относительную устойчивость и надежность действующей российской экономической модели, показавшей в 2020 г. спад производства на уровне 3,1 % [3], на фоне 7,3 % снижения ВВП стран Еврoзоны и 3,5 % уменьшения ВВП США [1]. Ставшая в последние десятилетия неотъемлемой частью мировой экономической системы, российская экономика в полной мере испытала на себе все негативные последствия пандемии и вызванного ею социально-экономического кризиса, наиболее болезненными из которых стали снижение в ушедшем году мирового спроса на потребление нефти на 8,8 % и разрыв сложившихся производственно-технологических и логистических цепочек. Анализ резолютивных экономических показателей России

за 2020 г. выявил, что от пандемии наиболее пострадала сфера услуг, обрабатывающая промышленность и неформальный сектор экономики, чей вклад в формировании национального ВВП традиционно был меньше аналогичных показателей большинства развивающихся и развитых стран. Наличие подобной диспропорции структуры российской экономики, считающейся в рамках мейнстрима негативным фактором, позволило нашей стране избежать более серьезного ущерба от «коронакризиса», однако при этом необходимо иметь в виду, что данное обстоятельство в будущем будет выступать своеобразным «тормозом» «посткавидного» социально-экономического развития.

Пандемия *COVID-19* не только принесла с собой новые риски и вызовы для российской экономики, но и стала катализатором обозначившихся в «докавидный» период трендов и тенденций, форсировала динамику протекающих в их границах социально-экономических процессов. Прежде всего «коронакризис» повернул вспять наметившуюся тенденцию снижения роли государства в социально-экономической сфере, продемонстрировав, что только этот институт в условиях ЧС оказался способным возглавить объединенный «антипандемийный» фронт и адекватно и эффективно противостоять распространению коронавирусной инфекции. Фактически все осуществленные в стране «противовирусные» мероприятия и меры поддержки социально-экономической сферы были полностью реализованы через государственные органы и механизмы, а государство продолжает играть ключевую роль в процессе выхода из «коронакризиса» и перехода к устойчивому экономическому развитию.

При этом «коронакризис» остановил процесс роста национальной экономики, доведя показатели развития до отрицательных величин. Так, если в 2019 г. консолидированный бюджет РФ был сформирован с профицитом в 1,8 %, то в 2020 г. мы наблюдаем его дефицит в 4,6 % [4], а реальные доходы населения вернулись на уровень 2013 г.

По разным оценкам российское правительство ассигновало на борьбу с пандемией и её последствиями от 2,5 до 3,5 % ВВП, в то время как США направили на эти цели 14 % ВВП, Франция – 26 % ВВП и Германия – 40 % ВВП [5]. Столь значительная разница в объемах выделяемых государствами для поддержки национальной экономики финансовых ресурсов с высокой долей вероятности позволяет спрогнозировать в краткосрочной перспективе опережающий рост ведущих мировых экономик и усиление тенденции отставания в этом процессе российской экономики. Мы полностью разделяем оценку экономического потенциала России экспертами МВФ, предсказывающими в 2021 г. всего лишь 3 % рост российского ВВП на фоне 8 % роста мировой экономики [6].

Данный процесс в полной мере транспонируется и на субъекты РФ, которые из-за неравности экономических потенциалов и разных объемов государственной «антиковидной» поддержки (размер которой определяется в «ручном режиме» и без опоры на сколько-нибудь научно обоснованную методику) будут в 2021-2023 гг. асинхронно выходить из экономического кризиса, усиливая существующий тренд увеличения разрыва в уровне экономического развития российских регионов.

Проведение «антиковидных» мероприятий и введение карантинных мер и ограничений радикально ускорили процесс цифровизации российской экономики и государственно-муниципального управления. Установленные в рамках борьбы с распространением коронавирусной инфекцией запреты на непосредственные контакты между гражданами заставили бизнес-сообщество и государство перейти на иные формы коммуникационного взаимодействия с населением. Экономические агенты ради сохранения возможности присутствия на рынках вынуждены были расширить перечень бесконтактных форм оказания услуг и онлайн-процедур, внедрение которых в повседневную финансово-хозяйственную практику в принципе невозможно без относительно высокого общего уровня цифровизации управленческих и бизнес-процессов. Именно пандемия стала катализатором перехода на «цифру» значительной части российской экономики, принудительно сократив срок внедрения новых технологий с запланированных ранее 10 до 1-2 лет. При этом лидеры процесса цифровизации, которые в «докавидный» период приумножали свои доходы в два раза быстрее конкурентов, в период «коронакризиса» смогли увеличить этот разрыв уже до 5 раз [7].

В свою очередь цифровизация значительно ускорила повсеместное распространение удаленных форм работы, что стало основным трендом развития российского рынка труда в 2020 г. Ещё в «предпандемийном» 2019 г. 66 % компаний России вообще не имели об «удаленке» хоть какой-то информации и ни как не увязывали свое будущее с внедрением дистанционных форм занятости [8]. Однако введенные государством «антиковидные» ограничения на хозяйственную деятельность принудили значительную часть экономических агентов перевести своих сотрудников на удаленную работу, что первоначально рассматривалось в качестве временной меры сохранения непрерывности бизнеса и обеспечения безопасности персонала в условиях экспансии пандемии. Фактически в 2020 г. переход на дистанционные формы работы стал массовым явлением, при котором в 54 % российских компаний вне офиса стало работать более 75 % сотрудников, а в 35 % компаний – свыше 90 % [9].

Крайне негативно пандемия отразилась на перспективах развития российского малого бизнеса,

оказавшегося наиболее пострадавшей сферой национальной экономики. Несмотря на все усилия властей, количество малых предприятий в России начиная с 2016 г. ежегодно снижалось на 6-10 % [10], и данный тренд позволил говорить о предстационарном состоянии отечественного малого предпринимательства в предкризисном 2019 г., сумевшего при занятости 11,3 млн чел. (15 % общей численности рабочей силы) сформировать около 20 % ВВП [11]. Введенные в 2020 г. антипандемийные запреты и ограничения в первую очередь затронули отрасли и сферы традиционно занимаемые малым бизнесом: услуги, торговлю, общественное питание, сферу туризма и развлечений, перевозки и т.д. Как следствие, именно в этой сфере мы наблюдаем наиболее значительное снижение показателей финансово-хозяйственной деятельности, которые в отдельных секторах доходили до 60-80 %. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС России, по состоянию на 10.01.2021 г. на учете состоял 5684561 субъект малого предпринимательства, что на 3,9 % меньше аналогичного показателя 2020 г. [12]. Причем данная оценка, по нашему мнению, недостаточно объективно отражает ситуацию, сложившуюся в сфере малого предпринимательства, т.к. в официальную статистику не вошли предприятия фактически прекратившие свою работу в период пандемии, но не завершившие процедуру государственной регистрации добровольного ухода с рынка, которых, по нашим оценкам, будет не менее 8-10 % от общего числа зарегистрированных субъектов.

Эпидемия коронавируса значительно усилила тренд снижения доли нефтегазовых доходов в бюджете РФ, которая, начиная с 47 % в 2015 г., в дальнейшем ежегодно постепенно сокращалась и в «предпандемийном» 2019 г. достигла 39,3 % [13]. В период антипандемийных ограничений и запретов на хозяйственную деятельность 2020 г. данный показатель уменьшился ещё на 11,3 % и составил уже 28 % доходной части российского бюджета [13]. Однако такой результат был достигнут не в результате целенаправленного проведения структурных реформ российской экономики и увеличения в ней доли несырьевого сектора, а исключительно благодаря беспрецедентному падению спроса и мировых цен на нефть. Все это позволяет считать, что ключевую роль в процессе формирования доходов бюджета РФ в 2020 г. сыграли коронавирусные форс-мажорные факторы, влияние которых носит временный характер и их роль будет минимизироваться по мере отмены «антиковидных» ограничений и выхода экономики из кризисного состояния.

В свою очередь, проблемы формирования российского бюджета в период пандемии напрямую связаны с вновь проявившейся тенденцией увеличения государственного долга. Если в 2019 г. он

составлял 12,3 % национального ВВП, то в 2020 г. увеличился на 39,9 % и достиг уровня 17,8 % ВВП России [14]. Фактически за счет внутренних и внешних займов Правительство РФ компенсировало выпадающие доходы бюджета и оплатило осуществленные «антипандемийные» и антикризисные меры. И хотя Минфин РФ планирует в 2021 г. осуществить ещё более масштабные заимствования и довести российский госдолг до 20 % ВВП [15], его объем будет одним из самых маленьких среди ведущих экономик мира.

Выбранный формат представленной работы предоставил автору возможность рассмотреть лишь наиболее существенные, на его взгляд, аспекты заявленной темы. Не претендуя на полноту и всеобъемность представленного научного исследования, позволим вынести на суд читателей несколько выводов и предложений:

Пандемия *COVID-19* явилась для российского руководства и общества спонтанным и наиболее масштабным вызовом за всю новейшую историю, спровоцировавшим значительные преобразования всего комплекса социально-экономических процессов.

Перманентно находящаяся с 2014 г. под международными экономическими санкциями российская экономика, благодаря ослаблению внешней зависимости и отдельным достижениям импортозамещения, в условиях развития мирового кризиса смогла продемонстрировать относительную устойчивость своей модели и в значительной части минимизировать основные негативные последствия «коронакризиса».

Перспектива продолжения пандемии *COVID-19* в 2021 г. и неопределенность с длительностью ограничительных мер были и остаются основными угрозами стоящим перед российским государством и национальной экономикой, адекватный ответ на которые полностью зависит от достижений в разработке эффективных противокавидных лекарственных препаратов и вакцин, а также успешного завершения общероссийской прививочной компании.

Экономика России пока не смогла преодолеть существовавшие ранее внутренние фундаментальные противоречия и системные проблемы и все так же нуждается в реформировании внутренней структуры (теперь уже с учетом «коронакризисной» корректировки) и проведении коренных преобразований, без которых невозможен переход к устойчивому «постпандемийному» развитию. Высокий удельный вес промышленности и сельского хозяйства в ВВП страны способны в переходный период сыграть свою положительную роль и предоставить российской экономике дополнительные конкурентные преимущества, а несырьевой сектор имеет возможность совершить качественный рывок за счет роста объемов производства отечественной фармацевтической промышленности, способной стать в краткосрочной перспективе одним из основных драйверов развития.

Правительству РФ в 2021 г. целесообразно пересмотреть политику бюджетной консолидации и снижения уровня поддержки экономики, дополнить меры по стимулированию потребительского спроса, при этом существенно увеличить объемы финансовой помощи и расширить протекционистские меры в отношении экономических агентов, «лидеров завтрашнего дня», осуществляющих свою финансово-хозяйственную деятельность в высокотехнологичных и перспективных секторах.

Заявленные федеральным центром на 2021 г. подходы к межбюджетным отношениям говорят о том, что регионы в значительной части должны будут решать задачи «посткоронакризисного» развития за счет внутренних ресурсов и столкнуться в связи с этим с дополнительными рисками.

Ожидаемые в 2021 г. в связи с открытием простаивающих производств и предприятий сферы услуг положительная динамика экономического роста и первые признаки здорового выздоровления должны быть подкреплены мультипликативным эффектом от проведения цифровизации экономики и развития высокотехнологичных производств, повышения эффективности внешнеэкономической деятельности и внедрения удаленных форм работы.

В целях создания благоприятного предпринимательского климата и формирования благоприятной предпринимательской среды в кратчайшие сроки необходимо: провести корректировки законодательства в соответствии с реалиями и запросами «посткоронавирусного» развития, стимулировать инвестиционную активность, продолжить реформирование судебной системы, активизировать борьбу с коррупцией, упростить доступ хозяйствующим субъектам к кредитным ресурсам и государственно-муниципальному заказу.

Субъектам экономической деятельности необходимо осознать, что слагаемыми успеха бизнеса в современном мире по-прежнему остаются эффективность, технологичность и кадровый потенциал, а «коронакризис» только подтвердил, что «самым ценным активом организации XXI века будет её интеллектуальные работники и их производительность» [16].

Эпидемия *COVID-19* принесла вызовы и создала дополнительные риски многим отраслям и сферам российской экономики, однако при этом создала новые возможности, а значит, «нам нужно изменить свой взгляд на пандемию: не стоит считать её проклятием, потому что многие вещи стали причиной хороших внедрений и результатов» [17].

Литература:

1. Перспективы мировой экономики // Всемирный банк. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>.
2. Старостина Ю., Иван Ткачѳв И. Коронавирус отня у ВВП до 0,9%. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/02/12/6023efbc9a794767c2d92254>.
3. Bloomberg оценил спад российской экономики в период пандемии. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/02/03/856459-bloomberg-otsenil-spad-rossiiskoi-ekonomiki>
4. Бюджет РФ в 2019 году исполнен с профицитом 1,8% ВВП. – URL: <https://www.interfax.ru/business/691856>
5. Комраков А. После пандемии в мире начнется бум потребления // Независимая газета. – 2021. – 24 января.
6. МВФ улучшил прогноз роста ВВП России в 2021 году до 3%. – URL: <https://www.interfax.ru/business/747943>
7. Уроки удаленки: как крупный бизнес будет развивать технологии для дистанционной работы. – URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=151115>.
8. Цифровая трансформация, новые бизнес-процессы и удаленная работа – как меняются российские компании? Исследование 2020. – URL: <https://hr-media.ru/tsifrovaya-transformatsiya-novye-biznes-protsessy-i-udalennaya-rabota-kak-menyayutsya-rossiyskie-kompanii-issledovanie-2020>
9. Опыт перехода компаний на удаленную работу. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Опыт_перехода_компаний_на_удаленную_работу
10. Шахова А. В России ежегодно исчезает по 10% малых предприятий. – URL: <https://secretmag.ru/news/v-rossii-ezhegodno-ischezaet-po-10-malykh-predpriyatii.htm>
11. Старостина Ю. Росстат зафиксировал снижение доли малого бизнеса в экономике. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692>
12. Число занятых в сегменте малого и среднего предпринимательства в РФ выросло за год на 1,1%. – URL: <https://tass.ru/msp/10451043>
13. Счетная палата РФ объявила о падении объемов и доли нефтегазовых доходов бюджета 2020 года. – URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/667473-schetnaya-palata-rf-obyavila-o-padenii-doli-neftegazovykh-dokhodov-byudzhet/>
14. Госдолг России в 2020 году вырос на 39,9%. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/10767517>
15. Маркелов Р. Силуанов: Уровень госдолга скоро приблизится к 20% ВВП. – URL: <https://rg.ru/2020/09/08/siluanov-uroven-gosdolga-skoro-priblizitsia-k-20-vvp.html>
16. Кови С.П. Восьмой навык. Руководство пользователя. – М.: Альпина Паблицер, 2018. – 236 с.

17. Нассим Талеб: «Проклятие современности состоит в том, что тех, кто объясняет, больше, чем тех, кто понимает». – URL: <https://fomag.ru/news/>

nassim-taleb-proklyatie-sovremennosti-sostoit-v-tom-chto-tekh-kto-obyasnyayet-bolshe-chem-tekh-kto-po/

The COVID-19 Pandemic as a Source of New Challenges and a Catalyst for Trends in the Russian Economy

Shlychkov V.V.

The Review of Economy, the Law and Sociology (Kazan)

The paper shows the most significant trends in the development of the Russian economy in the "pre-crisis" period and reveals the degree of impact of "anti-COVID" bans and restrictions on them, identifies the newly emerged risks and challenges provoked by the COVID-19 pandemic. The author analyzes the increased trends and phenomena of the socio-economic sphere, such as the acceleration of the process of digitalization of the economy and management, the widespread introduction of remote forms of work, etc., and determines their role in the "post-pandemic" development of the national economy of Russia.

Key words: pandemic, economic crisis, economic turbulence, risks, digitalization of the economy and management; remote forms of work, regeneration of the economic system.

